

«СУВЕРЕННОЕ РЕШЕНИЕ» В ДИСКУРСЕ МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ

М. Лукович¹ ✉, К. Майсторович², Д. Кнежевич³

¹ Медицинский центр «Фебрис», г. Чачак, Сербия

² Высшая школа бизнес экономики и предпринимательства, г. Белград, Сербия

³ Клинический центр Сербии, Клиника гастроэнтерологии и гепатологии, г. Белград, Сербия

В последнее время характерна напряженность в нашем обществе по поводу связанных со здоровьем людей проблем, являющихся следствием как минимум двух факторов. Во-первых, это столкновение неолитеральной экономики с традиционной моралью нашего общества. Упрощенные трактовки социальных тенденций, характерных для нашего общества и процессов внутри мирового сообщества, вызывают реакцию в виде различных конспирологических теорий, которые подкрепляются двойственным моральным подходом внутри нашего общества. В одном случае он полностью основан на неолитеральных течениях и все чаще проявляется через взгляды неправительственных организаций, в другом до крайности консервативен и привязан к традиционной морали. Политика, стремящаяся действовать в пределах возможного, поочередно предпочитает то один вариант, то другой, что создает еще большую путаницу. Другим фактором, не менее важным, является размытость коннотации и денотации таких понятий, как «свобода», «суверен», «суверенное решение», «священность человеческой жизни», из-за чего возникают различные неверные толкования. Цель этой работы — рассмотреть возникающие дилеммы через раскрытие значения этих терминов в историческом контексте. Возможный вывод состоит в том, что общая мировая тенденция гармонизации законодательства под влиянием неолитеральной экономики далека от мечты о Вечном мире, каким его видел Кант двести лет назад. Обычные нормы, составлявшие основу общественной морали, как и сама мораль, занимают все меньше места в законодательстве, даже в качестве корректива, и все больше места занимает экономическая логика. Все будет иметь «рыночную цену» (Кант). В свете вышеизложенного мы попытались рассмотреть вакцинацию и эвтаназию как две очень характерные и актуальные проблемы.

Ключевые слова: медицинская этика, суверен, суверенное решение, «священность жизни», вакцинация, эвтаназия

Вклад авторов: М. Лукович — концепция и дизайн исследования, анализ источников, написание текста; К. Майсторович — концепция и дизайн исследования, редактирование текста; Д. Кнежевич — редактирование текста.

✉ **Для корреспонденции:** Михаило Тихомирович Лукович
Войводе Степе 64, 32000, г. Чачак, Сербия; febrisca@gmail.com

Статья поступила: 16.08.2023 **Статья принята к печати:** 12.09.2023 **Опубликована онлайн:** 30.09.2023

DOI: 10.24075/medet.2023.018

THE 'SOVEREIGN DECISION' IN THE DISCOURSE OF MEDICAL ETHICS

Lukovich M¹ ✉, Meistorovich K², Knezhevich D³

¹ Febris Health Center, Čačak, Serbia

² Higher School of Business Economics and Entrepreneurship, Belgrade, Serbia

³ Serbian Clinical Center, Clinics of Gastroenterology and Hepatology, Belgrade, Serbia

Recently, there has been tension in our society because of health-associated problems resulting from at least two factors. First, we are facing collision of neoliberal economics with the traditional ethics of our society. Simplistic understandings of social tendencies typical of our society and processes within the global community provoke a reaction in the form of various conspiracy theories supported by a dualistic ethical approach within our society. In one case, it is based on neoliberal trends and is increasingly manifested through the views of non-governmental organizations. In the other case, it is extremely conservative and tied to the traditional morality. The politics that tends to act within the bounds of the possible goes through both options, creating even more confusion. Another factor, which is no less important, includes blurred connotation and denotation of such notions as 'freedom', 'sovereign', 'sovereign decision', 'human life sacredness', resulting in various misinterpretations. The purpose of this article is to review the occurring dilemmas by disclosing the terms in the historical context. The possible conclusion is that the common global tendency of law harmonization under the influence of neoliberal economics is far from the dream about the Perpetual Peace as seen by Kant two hundred years ago. Regular standards that form the basis of the social ethics occupy less space in the legislation just like the ethics itself, even if used as a corrective measure, with economic logics taking up a larger place. There will be a 'market price' for everything (Kant). In the light of the above, we tried to review vaccination and euthanasia as two very specific and pressing issues.

Key words: medical ethics, sovereign, sovereign decision, 'sacredness of life', vaccination, euthanasia

Author contribution: Lukovich M — study concept and design, source analysis, writing a text; Meistorovich K — study concept and design, text editing; Knezhevich D — text editing.

✉ **Correspondence should be addressed:** Mihailo Tikhomirovich Lukovich
Vojvode Stepe 64, 32000, Čačak, Serbia; febrisca@gmail.com

Received: 16.08.2023 **Accepted:** 12.09.2023 **Published online:** 30.09.2023

DOI: 10.24075/medet.2023.018

В работе «Свобода и врачебная этика» [1] отмечалось, что свобода в медицине проявляется через борьбу с уже существующей болезнью (как отрицательная форма свободы) и в борьбе за предотвращение возникновения болезни (положительная форма свободы). Для реализации этих проявлений свободы необходим высокий уровень

знаний в области медицины, который ежедневно наращивается, наряду со знаниями из других смежных научных областей. Генерируются, подтверждаются или опровергаются новые гипотезы, благодаря чему знания становятся более полными и глубокими. В статье «Истина в медицине» [2], утверждается, что истина

достигается через анализ проблем, связанных с (а) пространственно-временным континуумом, а также проблемы (b) определения дефиниций здоровья и болезни. (c) Лингвистические вопросы, связанные с обозначением и коннотацией терминов в медицине и, следовательно, с использованием Международной классификации болезней, и (d) применение научных достижений из других областей при использовании техники и других средств диагностики, также являются факторами, которые значимо влияют на достижение истины в медицине.

Сложный путь к истине иногда вызывает сомнения у самих врачей, и интеллектуальная честность (этика) требует от них определения, через дилеммы, дальнейшего направления поиска. В такие моменты у пациента может создаться впечатление, что в медицине нет четких решений, соответствующих абсолютной истине. Несомненно, что абсолютной истины не существует не только в медицине, но и во всех биологических науках, но это не значит, что из-за этого можно легко искать решения вне профессиональных знаний.

Итак, когда мы говорим об истине, мы часто игнорируем тот факт, что она может проявляться на разных уровнях, будучи как абсолютной, так и вероятной, а также информативной и полемической. И если истина в медицине относится к восприятию человеком природных процессов, то свобода связана с ним самим и с обществом в целом.

Как бы человек или общество ни боролись с болезнью, несомненно, что истина выявляется в историческом, научном и политико-правовом аспектах, которые являются рамками этой борьбы. Согласно традициям греческой культуры, для справедливости этой борьбы (а для человека всегда важно, чтобы то, что он делает, имело оттенок справедливости, как указывает Аристотель [3]), необходимо учитывать контекст естественного права.

Если мы обозначим законы, определяющие права, как совокупность норм, регулирующих отношения в обществе, то естественное право должно быть наиболее близким к природе человека, и одно из определений этого права (*lex naturalis*) было дано Гоббсом. Он прямо говорит: «это есть некое предписанное общее правило, достигнутое разумом, согласно которому человеку запрещается делать то, что губит жизнь или отнимает средства для поддержания жизни...» [4]. Необходимость в таком законе возникла как нечто, предотвращающее войну всех против всех. Согласно Гоббсу, все люди рождаются равноправными и как таковые имеют естественное право (*jus naturale*), которое он определяет так: «...есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т.е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого». Суверен — выше всех и единственный, кто остается в естественном праве (*jus naturale*), в то время как субъекты ради возможности естественного права (*lex naturalis*) отказываются от него (договор) [5]. Поэтому в праве переплетаются отношение к политике, с одной стороны, и отношение к свободе как своеобразному атрибуту человека, с другой.

Античная философия предлагает нам два взгляда на человека: человек как биологическое существо (зоэ) и человек как существо общественное (биос) [6, 7]. Его жизнь как биологического существа должна быть подчинена социальному существу. Из-за законов, защищающих общество, Сократ предлагает свое биологическое существо смерти (Критон) [8]. Больной

чумой знает, что его судьба — изолированный остров или какое-то другое изолированное пространство, и он не имеет права ссылаться на свою свободу и оставаться среди других людей. Такие политические отношения в обществе, если к ним добавить учение Платона в целом и особенно выраженное в «Государстве» и «Законах», ясно говорят о том, что они видят в человеке неотъемлемую часть целого, сущность которого, как и сущность права в этих сообществах, проявляется в том, чтобы не нарушать социальное целое и естественные процессы. Такие тенденции сохраняются в Древнем Риме, который является колыбелью современного права.

Нет ни одного современного юридического спора, который не имел бы своих корней в римском праве. В контексте этой статьи важны три термина и два правовых установления, связанные с юридической профессией в римскую эпоху: термины *суверен*, *суверенное решение*, «*священное*»; затем право отца на детей и, наконец, одно правило (право), которое сохраняется и по сей день во всех законодательствах за небольшим исключением, состоящим в том, что для того, чтобы кого-то судить, он должен физически присутствовать.

Для определения термина «суверен» необходимо понимать, что человеческое общество функционирует в рамках упорядоченной социальной системы, принимая во внимание право не допускать ее нарушения. Отношения между системой и элементами, пытающимися ее разрушить, обычно обеспечивают гармоничное функционирование общества. В редких случаях, когда эта система настолько повреждена, что это грозит ее полным крахом, есть кто-то, называемый «суверен», который прибегает к чрезвычайным мерам, не являющимся составной частью этого права, чтобы восстановить правовую систему. Позиция суверена специфична. Это тот, кто не является частью правовой системы, кто восстанавливает правовую систему, исключая себя из этой системы. Неотъемлемой частью его действия является суверенное решение, с которого он начинает свое действие. Здесь нам все еще нужно провести различие между суверенным решением и свободой воли. Суверенное решение принадлежит тому, кто стоит над законом, в отличие от индивидуума, находящегося в состоянии естественного права и подчиненного закону. Свобода воли касается отдельных лиц в обществе, которые подчиняются законам и не стоят над ними.

В мифологическом контексте в понятии «священного» трудно различать добро и зло [9]. Эволюционируя от реалий языческого Рима до наших дней, понятие «священного» приобрело иное значение.

С созданием светских государств церковное законодательство, рассматривающее понятие «священного», полностью отделяется от гражданского законодательства. В церковном законодательстве термин *священный* зарезервирован для высших, нравственных ценностей и подразумевает то, что должно уважаться до конца и пределы чего нельзя переходить. Спорно, что сегодня жизнь объявляется священной, даже если она нигде не фигурирует в гражданском праве, определяющем судьбу человеческих сообществ. Верно, что употребляется термин «неприкосновенное право», но разница между неприкосновенным правом на жизнь и священностью жизни, если определение священности принять с сегодняшних позиций, велика. Если кто-то пытается их отождествить, он совершает натуралистическую ошибку, ибо священность предполагает нравственные критерии, а неприкосновенность жизни есть лишь голый факт.

Свобода ребенка полностью находится в руках родителей. При этом отец имеет право принимать решения за своего ребенка, но не убивать его. Он несет за него ответственность до тех пор, пока тот не достигнет совершеннолетия, и таким образом родительство институционализируется.

И, наконец, сегодня немного изменено правило о том, что судить могут только тех, кто физически присутствует, так как оно допускает возможность заочного суда, но есть строгие критерии того, кого можно судить заочно.

Исторической основой суверенного решения является факт существования в обществе одного человека (царь, правитель), находившегося в состоянии естественного права (зоэ), тогда как остальные составляли неотъемлемую часть общества (биос). Суверен не имел обязанности подчиняться установленным законам, а все остальные должны были находиться в статусе того, кто подчиняется законам.

В эпоху модернизма всё обращается к человеку как личности. Духовный энтузиазм, начиная с XV века, ставит человека и его свободу на первый план по отношению к естественному порядку вещей. Сама политика, окрашенная в цвета свободы, ведет к одной революции за другой (Французская революция, Октябрьская революция). Освобождение человека, как символа того и другого, в конечном счете заканчивается тоталитаризмом и негативным опытом. Сегодня на сцену выходит суверенный неолиберальный экономический вариант. Там, где государства адаптировали свое законодательство к неолиберальному рынку, неолиберальный экономический выбор является двигателем процессов и отношений в обществе. То, что вызывает беспокойство, в соответствии с манипуляциями власти, легко устраняется, и в то же время власть не будет ни действовать вне закона, ни работать вне закона, поэтому мы имеем неограниченную власть, которая ведет себя буквально как суверенная власть, неприкасаемая власть, в большинстве случаев как виртуальная.

Когда неолиберальная экономика устанавливается в странах, где неолиберальные тенденции отсутствуют или развиты слабо, она, подобно **суверену**, путем различных манипуляций властью навязывает свою волю и регулирует отношения действующими законами этой страны до тех пор, пока не установится желаемый порядок. Как отмечено в работе проф. Мирослава Миловича «Метафизика и политика» [10], из ситуации, когда в древности экономика имела второстепенное значение и была связана с личными делами внутри семьи, мы получаем экономику, которая приобрела особое значение и которая благодаря своей силе определяет политику и, следовательно, всю жизнь. В книге «Святой человек» Джорджио Агамбен [11] видит в таких отношениях два субъекта политической сцены: естественную жизнь и суверенную (неограниченную) власть. Эти условия привели к этическому падению, в том числе появлению лагерей смерти по всему миру. **Зоэ** интегрировано в **Биос**, и законы больше не наказывают естественную жизнь, а дисциплинируют ее.

Нет ни независимых средневековых городов, ни национальных государств восемнадцатого и девятнадцатого веков, а есть только единое экономическое пространство. По его мнению, естественная жизнь, ее священность — это интеграция личности в политическую жизнь. Противостоят этому политика и манипулирование суверенной властью. Мечта Канта, как и мечта многих благонамеренных, здравомыслящих людей,

об общем мировом законодательстве рассеивается через «тихое» или грубое навязывание интересов сильнейшего. Экономика как мировое явление управляет политикой во всех областях. «Натуральная» жизнь зажата клещами, с одной стороны которых законодательство, с другой — одиночество человека, за которым, по-видимому, стоит какая-то форма социальной защиты, которая по существу является составной частью неограниченной власти.

Может ли такой человек осуществлять суверенную власть? Конечно, это не так. Неолиберальное законодательство создает впечатление, что его частная собственность является его неприкосновенным правом. Он думает, что самое ценное, что есть в его распоряжении, это его жизнь, его «священное». Никто не отнимает у него это право, а ограничивает его по-другому: он является субъектом общей экономической игры, где побеждают более сильные интересы. И эти более сильные интересы — это интересы неограниченной власти, хотя и выраженные еще под маской интересов более широкого сообщества (государств и других организованных структур). В мире, который мы знаем сегодня, говорят, что «ваша жизнь — это ваше свободное решение», но правила суверенной власти таковы, что если вы не будете следовать им и подвергнете себя остракизму своим решением, вы останетесь в одиночестве. Восстановление отношений подразумевает правила, установленные суверенной властью. Законы, применимые к человеку как социальному существу (биос), не рассматривают его как суверена и, следовательно, не признают его суверенную власть в контексте принятия социальных решений. У него нет способности к такому решению, потому что он не в силах регулировать отношения в обществе и навязывать решения, и, по правде говоря, сегодня он не в состоянии быть самостоятельным биологическим существом (Зоэ). Поэтому священность жизни или суверенность личности, на которых сегодняшние поколения строят свой образ свободы, есть иллюзия, и именно поэтому Агамбен прав, когда признает на политической сцене только двух субъектов. Первый, вне социальных процессов, вездесущий вершитель всех отношений — абсолютная власть, а второй — натуральная жизнь, вокруг которой сплетены все отношения, хотя второй субъект бессилён влиять на что-либо внутри своей социальной жизни [12]. Происходит простое манипулирование естественной жизнью (сакральностью), потому что она „священна“ не в том смысле, что действительно свята, а „священна“ потому, что должна существовать из-за экономических интересов. Возможно, здесь следует искать связь с языческим Римом. Ваша жизнь священна для вас, но неограниченная власть может дисциплинировать ее до уровня трудовых концлагерей и до последнего атома ваших сил, не отвечая за это ни перед кем.

Поскольку этические решения в медицине напрямую связаны со свободой решения или, как многие думают, с независимой властью принятия решений, мы рассмотрим здесь только два момента: решение об отказе от вакцинации, а также эвтаназию с точки зрения суверенного решения, и в контексте суверенной власти и естественной жизни.

ВАКЦИНАЦИЯ И СУВЕРЕННОЕ РЕШЕНИЕ

Вакцинация относится к той форме борьбы с болезнями, которая связывается с нашей активной защитой и по своей природе является положительной формой свободы.

Для ее реализации предполагается широкомасштабная социальная деятельность. Начиная с законодательства и предоставления средств, через многоуровневую организацию самой деятельности до непосредственного осуществления. К этому следует добавить санитарное просвещение как помощь для придания этой свободе решения реального, активного характера, а не для достижения меры посредством пассивного согласия личности, т.е. нечто вроде лечения, имеющего оттенок отрицательной свободы. Отказ от санитарного просвещения в этой области наносит большой ущерб процессу вакцинации, следовательно, и тем, для кого она проводится. Если вы не знаете предпосылку чего-то, вы получаете причину, которая не имеет смысла. Этот пробел используется различными антипрививочными лобби, которые, нравится нам это или нет, создают путаницу и, следовательно, меньший объем защиты. Как насчет свободы и суверенного решения в контексте иммунизации? Общество (организованное сообщество, государство, провинция или вообще то, что означает **биос**) обеспечивает рамки поведения в этой области. Легитимность и законность в этой процедуре обеспечиваются заключением экспертных органов до принятия закона (легитимность), а затем принятием закона (законность). Здоровье людей отвечает интересам общества. С позиции неолиберального сообщества, — а таких людей сегодня больше всего, — чем больше здоровых и трудоспособных людей, тем больше вероятность их приобретений, поэтому вакцинация в этом контексте оправдана.

Интерес неолиберального капитала совпадает с интересом индивидов, выражаемым через рациональные медицинские меры, реализуемые обществом. Теперь возникает вопрос: как появились антипрививочные лобби? Суверенное решение не принимать вакцинацию на личном уровне ведет к «исключению», т.е. к последующему влиянию сообщества при попытке включиться в дальнейшие жизненные процессы (зачисление в школы, колледжи...). Как кому-то удастся набрать ряд сторонников, которые, не прививаясь, существенно снижают охват привитых детей — вот следующий логически возникающий вопрос. Пробел находится, как мы уже подчеркивали, в слабой санитарно-просветительской работе общества, с одной стороны, и чувстве незащищенности части населения, которая, осозная манипулирование неограниченной властью во многих сферах общественной жизни, пытается торговать естественной жизнью, выходя на политическую арену без перспективы. Но когда есть условия для осуществления санитарно-просветительской работы, подход типа естественного хода вещей, международного заговора, низкого качества вакцин, токсичности некоторых компонентов или побочных эффектов (аутизм) проигрывает битву рациональному и этически единственно правильному подходу — пройти вакцинацию, чтобы быть свободным от болезней.

Истинные мотивы тех, кто финансирует и организует такие движения, скрыты. Они используют личные свободы как тренировочную площадку, где есть много места для интерпретаций, ведь речь идет о оценочных суждениях, которые обычно носят субъективный характер, таким образом пытаясь придать нашему решению экстерналистский характер. Выделенное ранее право родителей решать вопрос о жизни ребенка, заложенное во все законодательство, начиная с Рима, в качестве аргумента нивелируется как минимум по двум причинам. Первая причина заключается в самом факте реальной

возможности смерти заболевшего непривитого ребенка, а с учетом того, что статистически более вероятно, что непривитый ребенок заболеет и умрет, чем возникнут проявления побочных действий вакцины, страх перед побочными эффектами после вакцинации не может служить веским аргументом в пользу такого решения. Вторая причина — это вопрос свободы, потому что решение родителей является патерналистским актом, т.е. высшей степенью несвободы и возлагается на родителей до совершеннолетия ребенка, с целью реализации его социально ответственным образом, в соответствии с законами общества и в интересах ребенка. Этот интерес ребенка оценивается сообществом и институционально определяется рядом законов. В скандинавских странах родительство находится под постоянным общественным надзором и многих родителей лишают прав за малейшие проступки или нарушения закона.

Наконец, сделаем вывод, что прибегнуть к прививкам детей по согласованию с теми, кто обладает суверенной властью, является свободным решением родителей, и что отказ от решения о прививке ребенка также является свободным решением, со всеми вытекающими последствиями, подразумевающими общественный ostracism, благодаря чему это решение приобретает статус суверенного решения. С другой стороны, это решение только кажется свободным, но на самом деле оно делает ребенка несвободным по отношению к заболеванию, от которого его следует оберегать.

ЭВТАНАЗИЯ И СУВЕРЕННОЕ РЕШЕНИЕ

В отличие от вакцинации, эвтаназию вряд ли можно отнести к лечению. Таким образом, это специфическая ситуация, предполагающая прекращение различных видов агонии в конце жизни, и в этом смысле она не является лечением, поскольку мы не лечим больного той процедурой, исходом которой является смерть, а также не применяем никаких профилактических процедур. В формально-юридическом смысле это классифицируется как убийство или, как сегодня часто используются эвфемистические термины, убийство из милосердия или помощь в самоубийстве. В законодательстве всех стран убийство признается наиболее тяжким преступлением. Даже если мы квалифицируем это как помощь в суициде, мы должны знать, что лица, оказывающие помощь в суициде, также подлежат уголовному преследованию. Некоторые государства включили в свое законодательство процедуры, разрешающие убийство тяжелобольных, как бы они их ни называли.

Почему в последнее время проблема эвтаназии стала актуальной в развитых странах?

Развитие современной медицины позволяет очень эффективно помогать пациентам поддерживать жизненные функции в самые трудные моменты. Однако иногда помощь оказывается недостаточно быстро, и у части пациентов наступает смерть мозга, но не смерть физическая. Таких людей, без надежды на полное выздоровление, оставляют в живых. Кроме них, есть и больные, характер болезни которых не позволяет им выздороветь, но они приближаются к заведомым мучениям и неудобствам, о которых они знают и которые не хотят испытывать. На самом деле, одна из самых больших проблем заключается в том, что жизнь непредсказуема и создает большое количество ситуаций, в которых люди могут быть кандидатами на эвтаназию, поэтому

любое законодательство, которое занимается этим и хочет регулировать эту область, уже на первом этапе имеет проблему при определении обстоятельств, при которых эта мера может быть реализована. И по уже известному сценарию, — когда реального решения нет, организуется комиссия, которая будет решать свободно (единогласно, большинством голосов...?!). Здесь всякое осмысленное и юридически обусловленное действие бессильно. В некоторых странах (Нидерланды), где эвтаназия разрешена, существует высокая степень злоупотреблений [12]. В некоторых странах (Швейцария) это считается прибыльным бизнесом. Мы освещали эту проблему с разных сторон, и здесь мы поговорим о возможности суверенного решения об эвтаназии.

Для того, чтобы кто-то мог принять решение об эвтаназии, он должен осознавать обстоятельства, в которых он оказался. Если нет (само собой разумеется, многие тяжелобольные пациенты находятся в состоянии суженного сознания), решение за него принимает кто-то другой, так что о суверенном решении говорить не приходится. Почему мы используем здесь термин «суверенное решение», а не свободное, что было бы логичнее? Потому что больной, принявший такое решение, неподвластен никакому закону, ибо в момент совершения деяния он будет мертв, а тот, кто отсутствует (в данном случае мертв), неподчинен закону, то есть в момент принятия решения он уже осознает, что он выше закона. Совсем другая история с теми, кто помогает в этом акте. Они могут оказывать помощь добровольно, если нет закона, разрешающего эвтаназию, и подлежат юридическим санкциям; или в соответствии с профессиональными обязанностями, если есть закон, разрешающий эвтаназию.

В большинстве стран эвтаназия пока запрещена. Надо признать тот несомненный факт, что многие окажутся в весьма незавидном положении при проведении дебатов о таком законе. Именно законодательство, следующее за неолиберальной экономикой, эвфемистически борющейся за права человека в последние несколько десятилетий, исключило смертную казнь из законов наибольшего числа стран. Объявив неприкосновенным право на жизнь тех, кого они собираются эксплуатировать, даже если речь идет об убийцах, они окажутся в положении, позволяющем убивать невинных и слабейших. Не сомневаясь в политических манипуляциях неограниченной власти, основанных на принципе признания той или иной меры законной, мы окажемся в ситуации, когда в ближайшем будущем мы станем свидетелями принятия этих законов. Нам нужно только следовать неолиберальной экономической логике и учитывать два фактора: что, во-первых, лечение таких людей дорого обходится обществу и нет перспективы на успех, т.е. возврат вложенных средств за счет эксплуатации естественной жизни, и, во-вторых, что число ожидающих

доноров органов увеличивается, следовательно, с точки зрения неолиберальной экономической логики, из одной потерянной физической жизни мы получаем одну, две и более физических жизней.

На пути к принятию таких законов сейчас есть только организованное сопротивление в некоторых церквях, независимо от светскости законодательства. Борьбой с этим будет постепенное принятие закона — в смысле незначительного увеличения числа государств, которые его примут. Нужно отметить, что законодательство Сербии, ничем не побуждаемое, без необходимости (эвтаназия не стоит в повестке дня насущных проблем нашего здравоохранения), без широкого обсуждения этой проблемы на уровне всего общества, движется к принятию закона о разрешении эвтаназии.

В Сербии существует так называемая элита, которая агрессивно выступает за принятие всего, что имеет хоть малейший намек на неолиберализм, в надежде построить современное общество и сознательно, почти раболепно разрушает традиционные ценности. В стране, где степень коррупции все еще имеет невообразимые размеры, отчасти из-за войн, отчасти из-за экономического кризиса, отчасти из-за нравственного кризиса во всех сферах общественной жизни, в стране, где не хватает доноров органов, спорный закон с непостижимыми последствиями вводится в процедуру. В проблеме эвтаназии много элементов, нарушающих нормы морали, и они не обсуждаются; с другой стороны, что касается закона, то за убийство следует нести уголовную ответственность, а по этому закону тот, кто его совершает, освобождается от юридической ответственности, отсюда следует, что законодатель возведен на уровень суверена. Отсюда нетрудно прийти к выводу, что такой законодатель не является самостоятельным, что на него воздействуют политические манипуляции неограниченной власти. При этом речь идет не о противоправном поведении, а о манипулировании демократической процедурой и манипулировании участниками, которые, устраняя мораль в таких ситуациях, возводят всех нас в ранг подданных, людей без прошлого и будущего, которые будут опасаться за свое существование при взаимодействии с медициной.

В итоге сделаем вывод, что наибольшее количество тех, кто будет подвергнут эвтаназии в соответствии с законодательством, будет подвергнуто ей не по их свободному решению, а по решению их родственников. Даже ряд тех, кто осознает свои действия и принимает решение самостоятельно, делает это не по своей воле, а под давлением экономического или социального характера (продажа органов, спасение семьи от дальнейших медицинских расходов и т.д.). Введя закон, разрешающий эвтаназию, законодатель заменяет «суверенное решение» решением «в соответствии со свободной волей».

Литература

1. Лукович М. Т. Свобода и медицинская этика. Медицинская этика. 2019; 7(1): 77–83.
2. Лукович М.Т., Мајсторович К., Кнежевич Д. Истина в медицине. Медицинская этика. 2021;4: 42–45.
3. Аристотель. Политика. 1283а.
4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и сила церковного и гражданского государства. Культура. Белград. 1961;111.
5. Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и сила церкви и гражданского государства. Культура. Белград. 1961;115.
6. Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и сила церкви и гражданского государства. Культура. Белград. 1961;195.
7. Агамбен Д. Homo Sacer. Белград. Карпош. 2013; 11.
8. Сократ. Произведения Платона, Ион, Пир, Федр, Защита Сократа, Критон, Федон. Белград, Дерета. 2002; 161–174.
9. Агамбен Д. Homo Sacer. Белград. Карпош. 2013; 107 (сноска)
10. Милович М. Метафизика и политика. Градац, Чачак. 2018;18.
11. Агамбен Д. Homo Sacer. Белград. Карпош. 2013; 263.
12. Пенс Г. Классические случаи из медицинской этики. Официальный вестник. Белград. 2007; 173–205.

Reference

1. Lukovich MT. Svoboda i meditsinskaya etika. Meditsinskaya etika. 2019; 7(1): 77–83. Russian.
2. Lukovich MT, Majstorovich K, Knezhevich D. Istina v meditsine. Meditsinskaya etika. 2021;4: 42–45. Russian.
3. Aristotel'. Politika. 1283a. Russian.
4. Gobbs T. Leviafan, ili Materiya, forma i sila tserkovnogo i grazhdanskogo gosudarstva. Kul'tura. Belgrad. 1961;111. Russian.
5. Gobbs T. Leviafan ili Materiya, forma i sila tserkvi i grazhdanskogo gosudarstva. Kul'tura. Belgrad. 1961;115. Russian.
6. Gobbs T. Leviafan ili Materiya, forma i sila tserkvi i grazhdanskogo gosudarstva. Kul'tura. Belgrad. 1961;195. Russian.
7. Agamben D. Homo Sacer. Belgrad. Karposh. 2013; 11. Russian.
8. Sokrat. Proizvedeniya Platona, Ion, Pir, Fedr, Zashchita Sokrata, Kriton, Fedon. Belgrad. Dereta. 2002; 161–174. Russian.
9. Agamben D. Homo Sacer. Belgrad. Karposh. 2013; 107 (snoska). Russian.
10. Milovich M. Metafizika i politika. Gradats. Chachak. 2018;18. Russian.
11. Agamben D. Homo Sacer. Belgrad. Karposh. 2013; 263. Russian.
12. Pens G. Klassicheskiye sluchai iz meditsinskoy etiki. Ofitsial'nyy vestnik. Belgrad. 2007; 173–205. Russian.